

Русская художница с китайским восприятием мира

© 2004

О. Арин

В сентябре 2003 г. в Центральном доме художника состоялась персональная выставка Ван Люши, которая вызвала широкие отклики. Интерес подогревался тремя причинами. Во-первых, китайская живопись довольно редко экспонируется в выставочных залах Москвы. Во-вторых, под именем Ван Люши скрывается женщина, что само по себе необычно для живописного искусства Китая. И эта женщина — не китаянка, а этническая русская. Ее живопись является неординарным явлением в искусстве, где соединяются воедино русская душа, западная логика и китайская мудрость. Ее технические средства — от строгого классического мазка кистью до уникального, ею изобретенного объемного изображения в плоскостной живописи также поражают разнообразием. В-третьих, оригинальность всей экспозиции заключается в том, что каждая картина сопровождается стихотворением или поэтическим высказыванием, помогающим понять ее смысл. И автором этих дополнений на русском и английском языках является сама художница.

Ван Люши (в переводе с китайского языка — *Королева плакучей ивы и стихов*) — это Валентина Бэттлер. По образованию — музыкант, она закончила Ленинградскую консерваторию по классу фортепьяно. Работала в Московской Государственной Академии музыки им. Гнесиных, Королевской консерватории в Канаде. Китайской живописью занимается с 1996 г. В марте 2003 г. ее работы были утверждены для экспозиции в Шанхайском музее искусств (где и состоялась персональная выставка художницы с 12 по 18 августа), квалифицированные экспертами Шанхайского музея как китайская живопись. Поскольку я сопровождал Валентину в Шанхай, хотел бы сказать о значении этой выставки.

До 2003 г. Ван Люши дважды выставлялась в Москве (Центральный дом художника, июнь, 2000 г.; Музей Н.К.Рериха, февраль, 2001) и получила хорошие отклики в печати и на телевидении. Тем не менее, некоторые из них при всей своей благожелательности имели подтекст: дескать, все, что она рисует, здорово, красиво и вроде бы в китайском стиле, но все-таки это работы европейской художницы, имитирующей китайскую технику и образы. И хотя в ее первом альбоме (Ван Люши. Это — душа моя. Москва, 2000) были помещены статьи китайцев, которые утверждали, что ее живопись не имитация, а

выражение китайских стилиа и духа, оттенков горечи от непонимания ее творчества у Валентины остался. Развеять эту горечь могли только сами китайские художники и обязательно на территории Китая, что и произошло в Шанхае.

Выставлять работы в Шанхайском музее на персональной выставке — это честь и ответственность, это — подобные рентгеновским лучам взгляды людей, которые “принимают” или “не принимают”. Самый известный, самый престижный, самый-самый, ... сердце китайской живописи — это Шанхайский музей искусств.

Вот такая честь была ей оказана. Но Валентине пришлось на себе испытать при подготовке к выставке изменчивость судьбы. Когда уже все было решено с показом работ в музее, дана экспертная оценка и остались лишь формальности, страшный недуг охватил Китай, я имею в виду атипичную пневмонию (SARS), которая изменила все планы. Попереживав, Валентина уже было смирилась с тем, что выставку пока рано устраивать там, куда художники мечтают попасть всю жизнь. Я не верю в мистику, однако люди, склонные к этому, могут усмотреть в происшедшем некий знак судьбы.

Господин Тан Хуэймин, заместитель председателя Шанхайского отделения Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами, был человеком, ответственным за выставку. Когда эпидемия пневмонии приблизилась к своему пику, было решено временно отменить все договоренности, поскольку никто не мог предсказать дальнейшее течение болезни. Нужно было написать официальное письмо с отказом от участия в выставке в администрацию музея и в Министерство культуры Китая, указать фактическую причину, поскольку все планы уже были сверстаны. Такое мероприятие, как выставка в Шанхайском музее искусств, не решается в частном порядке.

Эйфория от возможности выставить свои работы в самом престижном месте сменилась разочарованием.

Однако в первый же день после официального снятия запрета на въезд в Китай господин Тан написал письмо художнице с предложением еще раз обратиться в администрацию музея с просьбой возобновить переговоры о выставке. Бесконечные изменения в графике проведения выставок в музее из-за болезни вдруг выстраиваются самым счастливым для нее образом. Тан Хуэймин написал, что каким-то магическим образом “ее” зал (точнее, четыре зала)

*Мудрость
(Бумага, тушь, краски)*

опять предложили именно ей. Как будто и не было всех этих передрыг. Это случилось примерно за полтора месяца до предполагаемого начала выставки. Ее новые неоформленные работы в это время находились в Англии, где она проживает. Заказать все атрибуты оформления, пересылки, страховки-упаковки в сжатые сроки стоило большого нервного напряжения. Время бежало, а дело стояло. Пропуская все, что пережито, отмечу только, что груз (ящики с картинами) был распакован в Шанхае за 2 дня до открытия вернисажа. Судьба! Церемония открытия выставки была устроена в лучших традициях музейных показов, где музеи такого ранга имеют уже отработанную схему с приглашением именитых гостей, телевидения и прессы. Агентство Синьхуа и газета “Жэньминь жибао” сделали анонс о выставке.

Встреча с мэтром китайской живописи господином Сюй Чанмином /вице-президент Шанхайской ассоциации художников/, который выступил на открытии выставки, с другими художниками для нее была очень ответственной. Валентине нужно было показать, что она знает, что делает, и что это — не случайное увлечение, а профессионализм. Днем позже ей была оказана честь посетить Шанхайскую Академию художеств, где в специально отведенное время ей были представлены работы художников, являющихся гордостью Академии. В программу выставки было включено посещение музея основателя всех шанхайских художественных направлений и учителя Ци Байши — У Чаншо.

Его внук У Юэ, директор музея и сам известный художник, рассказал о музее, из запасников достали уникальные работы, которые принесли служители в белых перчатках, так как эти картины дороже золота. В заключение этой интереснейшей экскурсии господин У прямо в многолюдном зале написал для нее картину с посвящением. Все это — открытие выставки и посещение музея У Чаншо — было снято телевизионной кампанией TSN и транслировалось сначала на Шанхай, потом на весь Китай. Сюжет был показан и по международному телевидению. Китайские художники признали Валентину как китайскую художницу, представляющую искусство КНР за рубежом.

* * *

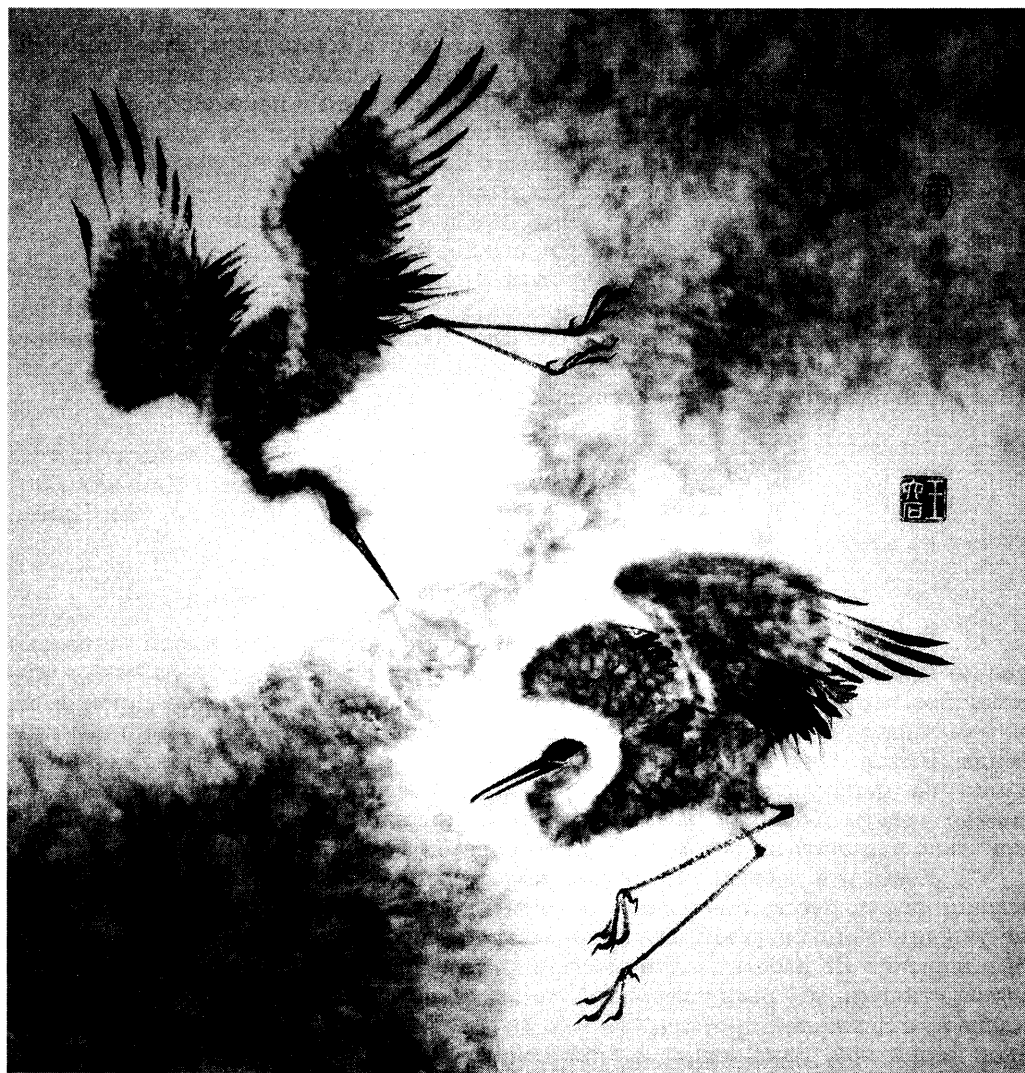
К московской выставке в ЦДХ (сентябрь 2003 г.) был выпущен второй альбом Ван Люши с ее стихами на русском и английском языках. Все это говорит о многогранном таланте художницы. Это подчеркнул в своем выступлении на открытии выставки советник по культуре посольства КНР господин Цуй Няньцян. Он отметил, что в свое время так работал знаменитый китайский художник и поэт Ван Вэй (VIII век). Господин советник сказал художнице: “Вас можно назвать его потомком, ведь вы — однофамильцы”.

Работы Ван Люши — это поэзия в музыке и музыка в поэзии

Еще три года назад, когда я впервые увидел работы Ван Люши, я, как искренний любитель своего родного искусства, не мог поверить, что они созданы руками женщины, которая не только ни разу не была в Китае, не проходила специального обучения китайской живописи, но и в своей жизни вообще никогда не была связана с Китаем, с китайским искусством. Уже тогда у меня не было даже малейшего сомнения в творческих успехах Вали. Основание одно: она пишет не своими руками, а своим сердцем!

Вали была музыкантом, много играла на фортепиано. Она сама говорила, что впервые увидев китайскую живопись, была навсегда покорена этим великим искусством.

Да, китайская живопись имеет многовековую историю. В более чем 2000 — летней истории своего развития художники создали 3 главных на-

На закате
(Бумага, тушь, краски)

правления живописи: пейзаж, цветы и птицы, портрет; и изобрели два взаимосвязанных стиля письма: *гун би* (прилежная кисть) и *се и* (живопись идей). Для первого характерны стройная и тонкая манера письма, строгая композиция и стремление к реальному изображению видимого, а второй отличают скупые мазки, простота и лаконичность образов. Китайская живопись — это не просто образы, изображенные тушью на бумаге, это многовековая китайская философия и история китайской цивилизации.

Особенность китайской живописи заключается в ее “выражении идеи через форму”. Будучи победителем конкурса каллиграфии в студенческие годы, я на собственном опыте убедился, что значит “покорить” китайские бумагу и тушь. Картины Вали свидетельствуют о том, что она проникла в суть этого

сложного искусства. Явно ощутима ее любовь к Китаю, к природе, человеку и человеческим ценностям.

Изучив все жанры и стили, Валя не просто копировала китайские сюжеты, что является одним из главных правил овладения мастерством и передачи смысла и сути китайской живописи из поколения в поколение, но и стремилась создать свой собственный стиль рисования. Вбирая все лучшее из традиционной живописи, она на основе своего опыта и практики создает неповторимые произведения. Как говорится, “тысяча ли начинается с первого шага”. Могу сказать, что этот шаг уже сделан, причем сделан успешно.

Работы Вали — это поэзия в музыке и музыка в поэзии.

В китайской пословице говорится, “искусство — это море без берегов”, но “широта моря предназначена для плавания рыбы, а высота неба — для полета птицы”. Осталось только пожелать нашему уважаемому художнику больших успехов в работе, и чтобы она доплыла до берега своей мечты и взлетела в небо как птица в этом огромном море — море искусства.

Корреспондент газеты
“Чжунго Циньяньбао”
Ли Цинъи

(Текст из альбома: Ван Люши. Это — душа моя. М., 2000)

Работы Ван Люши — это стихи и музыка

Китайская живопись имеет давнюю историю. Она отличается не только своим уникальным способом письма, необычной тушью, которой работают художники, нестандартной бумагой “сюаньчжи”, на которой пишется картина, но и, конечно, экзотическими сюжетами, отражающими древнюю историю и легенды Китая. Она отличается еще и тем, что в ней содержится китайская культура, философия и восточная мудрость. Ее не просто можно смотреть, ее можно читать. Хорошая работа китайской живописи всегда заставляет людей невольно задуматься, потому что в ней кроется глубокий смысл.

Когда я в первый раз увидел работы Вали, я просто не поверил, что они вышли из рук русской женщины. А когда мне сказали, что Валя вообще никогда не училась специально китайской живописи, не прошла никакой школы, я просто был поражен. Ее работы — это пейзажи, цветы, птицы, люди. Они написаны разными стилями: то реалистическим, то своеобразным свободным стилем, когда идейное содержание превалирует над формальным сходством. Будучи европейской женщиной, Валя пишет в особой манере. В ее работах присутствует смесь китайского с европейским, классического с современным. Глядя на них, мы испытываем удовольствие от потрясающей красоты, нам слышны стихи, музыка. Эти картины написаны явно не рукой, а душой и сердцем. Такие работы могут быть созданы только тем, кто питает огромную любовь к восточной культуре, к искусству и философии, и тем, кто обладает уникальным талантом.

Я уверен, что ее работы покорят всех, кто любит искусство. Искренне желаю ей успеха и усовершенствования в любимом деле.

Ли Юнцюань, доктор исторических наук,
Специальный корреспондент газеты “Гуанмин жибао”,

Главный научный сотрудник Института социального развития
Европы и Азии, Центра по исследованию проблем развития Госсовета КНР

(Текст из альбома: Ван Люши. Это — душа моя. М., 2000)

Китайская живопись — это музыка, философия, поэзия и письмо

Валентина Бэттлер (Ван Люши)

Я не смогла бы никогда начать рисовать в китайской манере (по-китайски), зная заранее, как это трудно. Но странная история привела меня к китайской живописи.

Получив прекрасное прекрасных музыкальное образование, я была хорошей пианисткой, и когда некоторое время жила в Канаде, давала уроки игры на фортепиано. Случайно или нет, но все мои студенты были китайцами (есть у китайских детей такая особенность — они хотят учиться). На стенах в доме одного из них я увидела китайские свитки и почувствовала, что мое тело вибрирует, когда я прохожу мимо них. Каждый раз я мчалась в этот дом, чтобы увидеть, нет, не увидеть, а вновь пережить странное состояние души, похожее на любовь.

Вскоре я прочитала все доступные мне публикации по китайской живописи. Однако в книгах по технике этого искусства не было сказано почти ничего, кроме общих фраз. Да это и понятно: техника — это традиция, помноженная на индивидуальный почерк, который вырабатывается годами, а точнее, десятилетиями.

Дерзость моя была безгранична — я купила кисти, краски, тушь, бумагу в их случайном сочетании и ... начала, даже не представляя как правильно пользоваться этими незнакомыми мне предметами. Я и не могла предположить, что даже сами китайцы пишут годами иероглифы перед тем, как “чиркнуть” что-то, напоминающее образ-картину. Не знала я и того, что главное в классической китайской живописи — точная линия в полном объеме ее выражения: мокрая-сухая, короткая-длинная, темная-светлая, прямая-изогнутая. И что только контрастное и ритмичное выражение таких линий делает написанное цельным и ритмичным. Постепенно я стала понимать природу линий, туши и красок, символику. Реалистичная китайская живопись уже больше не казалась мне только красивым и элегантным исполнением предметов, а превращалась в изображение как бы формулы этого предмета с внутренним динамизмом. Загадок становилось все больше и больше. Трехмерное пространство и перспектива, к чему привыкло мое европейское восприятие, разбивались вдребезги об изломы линий на картинах китайских ландшафтов. Вот тут я совсем запуталась. Очень долго я старалась понять, почему и как у китайцев сложилось такое своеобразное понимание перспективы. Здесь я могу только склонить голову перед великой культурой, сочетающей в реалистичном выражении простых предметов глубочайшую

*Черная пантера
(Бумага, тушь)*

философию, основанную на единстве противоположностей материи и духа — *янь* и *инь* — квинтэссенции единства.

А мое прикосновение кистью к бумаге давало только бесформенные пятна. Мысли, сердце и руки не сливались никак. Если бы не тот шок или овладение какой-то странной энергетикой, я, может быть, и сдалась бы. Но, видно, любовь побеждает трудности. Чем глубже я погружалась в китайскую живопись, тем больше я понимала, что китайская живопись уникальна не только особым способом письма, но и всеми ее составляющими: специальной бумагой, китайской кистью, особыми красками, а также “другим” отношением к пространству, символике и духу. Ее особенность состоит в передаче идеи через форму, технику и энергетiku *ци*. Строгие правила, каноны и предписания китайские художники передают из поколения в поколение, сохраняя это в своем искусстве. Однако каждое последующее поколение художников вносит свои новации, неизменным остаются только тушь, кисть, минеральные и растительные краски, бумага или шелк. Только сочетание в единстве всех этих компонентов дает неповторимое впечатление.

В последствие я открыла для себя и то, что китайская живопись — это плоскостное изображение, здесь нет объема в европейском понимании, а есть удаление или приближение. Нет и перспективы, а есть только точка обзора. В одной картине может быть вид и сверху, и снизу одновременно. Китайскую живопись можно разгадывать как ребус, поскольку в ней заложен некий код, основа которого — философия единства противоположностей *инь* и *янь*. Разговор этот очень профессиональный, и искусствоведами написаны сотни книг на эту тему. Однако и среди знатоков искусства, подчеркну, западного искусства, берущихся анализировать или, лучше сказать, комментировать китайскую живопись, есть очень некорректные суждения, даже ложные оценки, не имеющие никакого отношения к этому виду живописи.

Следует отметить, что одним из главных правил в китайской живописи является копирование старых мастеров. Это похоже на прописи, через которые должен пройти каждый художник. И копия всегда считается таким же подлинником, поскольку создатель прошел тот же путь понимания и отражения, покоря бумагу и тушь, создавал свой единый мир воплощенного духа. Часто можно видеть совершенно одинаковые (с виду) картины, одни и те же позы людей, птиц, расположение в пространстве, а подписи под работами разные. Это, если можно так сказать, класс, школа — как в балете. Ну, а почерк вырабатывается со временем. И проявлений индивидуальности в строгих канонах ровно столько, сколько почерков у людей.

Я рисую в разных китайских стилях: как в классическом, так и в современном. Классическая живопись диктует соблюдение строгих канонов, использование в противоречивом сочетании тушь, кисть и бумагу, современная же больше похожа на импрессионизм или даже символизм, но на китайской основе по средствам и методам выражения. Сами образы в китайской живописи — это символы. К примеру, лотос у китайцев — символ чистоты; павлин — красоты и достоинства; бамбук — сдержанности, силы; журавль — бессмертия; хризантема — мудрости, и т.д.

ЧТО, ЗАЧЕМ и КАК — ответы на эти простые вопросы с философской и художественной точек зрения помогают мне понять смысл китайской живописи, изображать суть, рисовать мысль, а техника живописания должна выражать это. Вот почему мои картины такие разные. Я “не вижу”, не понимаю, как пух, к примеру, может быть нарисован тем же техническим приемом, что и камень. У них разная природа, значит и выражение разное. Человеческое тело для меня похоже на линию, поэтому я позволяю себе даже просто графическое выражение тела, в то время как тут же существующий, скажем, дым, туман, ткань или еще что-то, обладая другой природой, имеют и другую технику. Таким образом, в одной картине могут присутствовать и графика, и “клякса”.

Появилось огромное количество художников — экспериментаторов, как в самом Китае, так и за его пределами, работающих в усложнении технического языка туши. Я благодарна судьбе за то, что имею честь касаться такой бездонной темы, как китайская живопись, и даже сделать кое-какие собственные технические открытия.

Честно говоря, мне ужасно надоели монстры и уроды, которые заполнили музеи и коллекции. После просмотра этих негативных энергетических объектов, мне почему-то хочется помыться с хлоркой, чтобы вытравить из окверненной души эти уродливые гримасы творчества. Почему-то стало нормой отражать “себя-больного”. Может быть, именно желание чистоты и света привело меня к китайской живописи, которая пробуждает мысль, а также выравнивает психологическое состояние до ощущения детства, полета души.

Спонтанность, гармония, изысканность линии, символика, лирический дух в китайской живописи — для меня это очень притягательные понятия. Западный надрыв не укладывается в классическое китайское искусство по своей философии. Хотя в настоящее время и в самом Китае, и в диаспоре художники уходят от главных канонов и философских принципов китайской живописи, однако это и не утверждается как направление, поскольку не отражает душу народа, является чем-то чужеродным. Может быть, потому и живет в веках это изумительное искусство, что все “тупиковые пути” остаются за его пределами.

Следует отметить, что не уходя от модной нынче темы глобализации, в настоящее время наблюдается что-то вроде симбиоза культур Востока и Запада, и это придает искусству китайской живописи (или живописи в китайском стиле) неповторимый свет и изысканность линий.

Часто можно слышать: “мне нравится, но я не понимаю”. Это вполне закономерно, поскольку эта такая же грамота, как и любое дело. Чтобы правильно “прочитать” картину, нужно освоить “язык”, который поможет правильно ее воспринять.

Бездушная имитация в рисунке лишает его смысла. Здесь нельзя имитировать, здесь нужно БЫТЬ. Истинная китайская живопись — это не подделка. В ней кажущаяся повседневность возведена до величия. В ней каждый штрих ведет свою партию, имеет символическую формулу смысла.

Для меня эта живопись или, вернее сказать, метод выражения построен из масштабных составляющих: музыки, философии, поэзии и письма.

Я “слышу” в китайской живописи музыкальный характер “произнесения” образа: связано, отрывисто, со стремлением (интонацией), акцентами, смысловыми точками и свободой.

От философии в этой живописи — мысль, идея и особый взгляд на нее со стороны взаимодействия *инь* и *янь*.

От поэзии — ритмика, изысканные линии.

А от письма — собственно касание, личностное выражение через энергетику созидания, творение руками, т.е. почерк.

Ко всем представленным картинам я написала стихи. Они, так же как и картины, написаны в разных метрических размерах. Я пыталась гармонией слов изложить свои чувства. Мне представляется, что это делает само восприятие зрительных образов торжественным, чего сполна заслуживает этот вид художественной деятельности.

Искусство, любой его вид — это “беседа” со зрителем/слушателем. Это “обсуждение” нравственных ценностей, камертон, настрой. Я замечала, наблюдая своих зрителей, как их бесстрастные души покидает равнодушие и они начинают сопереживать с изображенным. Без этого участия, без разгадывания смысла само смотрение теряет смысл. Это — со-творчество.